

На правах рукописи

Алёшин Юрий Денисович

**Историческая повседневность казачества Северо-Восточного Кавказа в
контексте российской политики в регионе в первой половине XIX века**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Пятигорск - 2026

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор
Лазарян Сергей Степанович

Официальные оппоненты: **Скорик Александр Павлович**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова»;

Федина Ирина Михайловна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Ведущая организация: ФГБУН «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (ВНЦ РАН)

Защита диссертации состоится «18» декабря 2026 года в 10:00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.398.04 при ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, корп. 20, ауд. 312.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1 и на сайте: <https://ncfu.ru/upload/medialibrary/388/abhyzsptnhw8kpjdx317dhovzb9wc5kp/Dissertatsiya-Alyeshin-YU.D..pdf>

С авторефератом можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» и на сайте: <https://ncfu.ru/nauka/dissertatsionnye-sovety/obyavleniya-o-zashchite-dissertatsiy/36941/>

Автореферат диссертации разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Т.А. Колосовская

1. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования определяется тем, что северокавказский регион играет центральную роль в деле позитивного решения российских геополитических задач и обеспечения безопасности южных рубежей страны. В противостоянии внешним вызовам, власти опирались в названном регионе на различные социальные силы, способные содействовать российским интересам и сделаться надежными их проводниками на линии фронта. Казачество Северо-Восточного Кавказа сделалось одним из наиболее действенных инструментов (наряду с другими) в процессах трансляции российского влияния в северокавказском крае. И в наши дни казачество рассматривается как важнейший ресурс в деле обеспечения безопасности России, о чем наглядно свидетельствует Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. N 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества»¹. Поэтому исследование самого феномена терско-гребенского казачества, его становления и повседневного существования в северокавказских условиях, путей сближения с государством и превращение в орудие государственной политики со всеми вытекающими последствиями как для самих казаков, так и для северокавказского региона, может представлять пример решения стратегического проекта для современных государственных деятелей, реализующих политику федерального центра на Северном Кавказе.

Объектом исследования являются социокультурные группы терско-гребенского казачества, с самых ранних этапов их становления до превращения в составную часть государственного механизма по продвижению и закреплению российских интересов на Северном Кавказе.

Предметом исследования выступают военно-политические, этнодемографические и социокультурные процессы существования терско-гребенского казачества в северокавказском регионе в контексте российской политики первой половины XIX века.

Степень научной изученности темы. Историографический обзор по большей степени выявляет научную базу и направление научной проблематики представленного диссертационного исследования. Различные аспекты рассматриваемой темы уже не раз становились объектом пристального внимания со стороны исследователей. Сформировался обширный научный пласт литературы, которая посвящена изучению проблемы воздействия России на северокавказскую действительность.

В контексте заявленной темы внимание автора привлекли работы, выявлявшие геополитическую роль Кавказа для России², который приобрел

¹ Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. N 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/188922/> (Дата обращения: 8.12.2025 г.).

² Дегоев В.В. Дегоев В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). Москва: Навона, 2009. 128 с.; Тургенев Н.И. Россия и русские. Москва: ОГИ, 2001. 744 с.; Фадеев Р.А. Кавказская война. Москва: Эксмо, 2003. 640 с.

значение ключевого фактора для обладания черноморско-каспийским пространством.

Немало работ отечественных и зарубежных ученых разных лет исследуют этапы развития и масштабы вооруженного противостояния между Российской империей и различными обществами горских народов, которое в российской историографической традиции получила название Кавказской войны³.

Прошлое казачества пользовалось и продолжает пользоваться повышенным вниманием у исследователей. Накоплен существенный научный багаж, посвященный самому феномену казачества, как таковому и различным сторонам жизни терских казаков, в частности⁴. Работы о них появлялись как в имперский период, так и в советское время. В наши дни мы также видим повышенное внимание к этой проблеме, что говорит о сохранении «белых пятен» в данном вопросе.

Отдельный блок работ посвящен хозяйственному укладу терского казачества. Это могут быть комплексные исследования либо труды, в которых внимание акцентируется на отдельном виде занятий населения Притеречья⁵.

³ Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. К 300-летию Дома Романовых. Киев: Типо-литография С.В. Кульженко, 1913.; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. Москва: Русская панорама, 2001. 448 с.; Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. Москва: Центрполиграф, 2006. Т. 2. 591 с.; Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2008. 400 с.; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. Москва: РОССПЭН, 2009. 584 с.; Гордин Я.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. Москва: Время, 2014. 512 с.; Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844-1854 гг.). Москва: Проспект, 2022. 768 с.; Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860 / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. Москва: Центрполиграф, 2007. 351 с.; Осли Э. Покорение Кавказа. Геополитическая эпопея и войны за влияние / Пер. с фр. Е.Д. Богатыренко. Москва: Плюс-Минус, 2008. 624 с.; King C. The Ghost of freedom. A History of the Caucasus. New York: Oxford university press, 2008. 291 p.

⁴ Сухоруков В.Д. Историческое описание земли войска Донского: В 2-х томах. Новочеркасск, 1867. Т. 1. 322 с.; Бентковский И.В. Гребенцы. Москва: Рус. типо-лит., 1889. 39 с.; Потто В.А. Два века Терского Казачества (1577-1801). Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1912. 235 с.; Савельев Е.П. Древняя история казачества. (Историческое исследование). Новочеркасск: Донской печатник, 1915. Ч. 1. Вып. 1. 56 с.; Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI- начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Москва: МГУ, 1974. 422 с.; Соловьёв С.М. История России с древнейших времен: В 18-ти книгах. Москва: Мысль, 1989. Кн. 3. Т. 5-6. 783 с.; Гордеев А.А. История казачества. Москва: Вече, 2006. 640 с.; Черников В.В. Казачество в истории России. Москва: Айрис-пресс, 2013. 160 с.; Ржевуский А.А. Терское казачье войско. Москва: Вече, 2014. 400 с.; Любавский М.К. История русской колонизации, или как возникла империя. Москва: Вече, 2021. 288 с.

⁵ О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в южной России, в 1849 г. // Журнал министерства государственных имуществ. Санкт-Петербург, 1850. Часть XXXVI. С. 19-40; Очерк виноделия Кавказа // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1875. Т. III. С. 177-563; Севрюков А.А. Виноградарство и виноделие в низовьях р. Терека (Доклад на съезде виноградарей и виноделов 1902 г. в г. Москве) // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. V. С. 268-297; Вертепов Г.А. Хозяйственное положение низовьев реки Терек // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. VI. С. 13-53; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. / Под ред. Н.А. Тавакаляна. Грозный: «Грозненский рабочий», 1961. 197 с.; Чекменёв С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII века и в первой половине XIX века. Пятигорск: ПГУ, 2022. 368 с.; Емельянов О.Б. Земледелие в казачьих станицах Терского левобережья в системе природных и общественно-политических факторов в первой половине XIX века. Георгиевск: ИП Банный М.И., 2014. 199 с.; Емельянова Л.А., Емельянов О.Б. Хозяйственное развитие волгских станиц Кавказского Линейного казачьего войска в контексте военно-политических процессов (1840-1864 гг.). Георгиевск: ИП Банный М.И., 2014. – 186 с. и др.

Целесообразно выделить работы, касающиеся проблемы казачьей колонизации Кавказа. Как правило, они поднимают вопросы, связанные не только с обстоятельствами выбора места расселения казачьего коллектива, но и с теми историческими событиями, которые привели к их появлению в крае⁶.

Достаточно популярны исследования, которые посвящены истории отдельной станицы, эпизодам жизни, населявшей ее казаков⁷.

Вызывают интерес труды авторов, которые изучают материальную и духовную культуру терского казачества⁸. Благодаря предпринятому в них анализу фактического материала появилась возможность наглядно продемонстрировать не только изменения в их укладе, но и понять суть психологического портрета жителей пограничья.

В последнее время усилился интерес к такому явлению в казачьей жизни, как переход отдельных станичников на сторону «немирных» горцев. Эта тема поднималась еще в дореволюционный период, но затем интерес к ней уменьшился. В современных работах по истории казачества он вновь актуализируется. Это связано с попыткой выяснить специфику двойственности казачьего мировоззрения, которое формировалось под влиянием как русской, так и горской культурной традиции⁹.

⁶ Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2008. С. 83–90; Берозов Б.П. Из истории русского (казачьего) поселения в Осетии // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе: СОГУ, 1989. С. 180–201 и др.

⁷ Бутова Е. Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 7. С. 3–156; Попов И. Станица Луковская (Историко-статистический очерк) // Терские ведомости. 1889. № 21. 17 февраля; Малявкин Г. Станица Червленая Кизлярского отдела Терской области // Этнографическое обозрение. 1891. № 1. С. 113–136; Семенов П. Несколько страничек из жизни казаков ст. Слепцовской, Сунженского отдела, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 16. С. 162–210; Востриков П.А. Станица Наурская, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 33. Отдел 2. С. 102–309; Ткачев Г.А. Станица Червленая. Исторический очерк // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912. № 7–12. 223 с.; Колесников В.А. Одинодворцы-казаки. К 200-летию со дня основания Рождественской, Каменнобродской, Сенгилеевской и Новотроицкой станиц. Санкт-Петербург: Издательство «НЕСТОР», 2000. 319 с. и др.

⁸ Путилов Б.Н. Русская былина на Тереке (Собирание и изучение терской казачьей поэзии, особенно эпической) // Ученые записки № 3. Филологическая серия. Выпуск 3. / Под редакцией Н.И. Пруцкова. Грозный: Грозненское областное издательство, 1947. С. 7–46; Путилов Б.Н. Кавказская война в песнях Терского казачества // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Выпуск 5. Б.м., 1953. С. 62–71; Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры терских казаков / В.Г. Коломиец. Нальчик: Эльбрус, 1994. 88 с.; Тхамокова И.Х. Традиционная культура казачества КБР. Нальчик, 2003. 132 с.; Белецкая Е.М. Казачество в народном творчестве и в русской литературе XIX века. Тверь: Золотая буква, 2004. 252 с.; Григорьев А.Ф. Этническая картина мира гребенских казаков (на примере ритуально-обрядовых традиций и песенного фольклора). / Под ред. И.И. Горловой. Ставрополь: Возрождение; Ставролит, 2011. 336 с.; Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период. Ставрополь: Ставролит, 2012. 300 с. и др.

⁹ Чернозубов Ф.Г. Очерки Терской старины. Побег в горы // Терский сборник. Екатеринбург: Издательские решения Ridero, 2023. Т. 10. С. 482–489; Клычников Ю.Ю. «Находился у непокорных горцев...»: побудительные мотивы предательства казаков-перебежчиков (по материалам ЦГА РСО-А) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнической культуры казачьих групп России за 2011–2012 гг. Дикаревские чтения (17): Материалы Всероссийской науч. конф., Зерноград, 11–13 октяб. 2013 г. / сост., науч. ред. М.В. Семенцов; Оргкомитет по проведению Всероссийской науч. конф. «Дикаревские чтения»; ФГБОУ ВПО «Азово-Черноморская агроинженерная академия». Краснодар: Эдви, 2014. С.153–156; Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного

Религиозная жизнь казаков, их отношение к «расколу», диалог с Русской Православной Церковью был и остается приоритетом среди исследователей, которые занимаются прошлым и настоящим казачества¹⁰. Учитывая ту роль, которую играла вера в формировании казачьего мировоззрения, данное направление будет и дальше развиваться, пополняться новыми фактами и их интерпретацией.

Разноплановая информация содержится в обобщающих трудах по истории казачества¹¹. До революции они чаще всего имели описательный характер, в советский период акцент делался на хозяйственных и социально-политических процессах, а в современных работах нередко применяется междисциплинарный подход, благодаря которому удается преодолеть однобокость в изображении жизни казаков. Это направление научных усилий видится наиболее перспективным, и оно легло в основу предлагаемого диссертационного исследования.

Целью работы является выявление роли и значения терско-гребенского казачества в реализации российской политики на Северном Кавказе в первой половине XIX века.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие взаимосвязанные **задачи** исследования:

Кавказа. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.; Степаненко Н.С. Беглые казаки и крестьяне – рабовладельцы на Северо-Западном Кавказе в середине XIX века // *Slavery: Theory and Practice*. 2019. № 4(1). С. 29–34 и др.

¹⁰ Г.М. Сведения о расколе и раскольниках в пределах Кавказской Епархии // Кавказские епархиальные ведомости. 1875. № 10; Михайловский Г. Исторические сведения о расколе среди терских (гребенских) казаков во второй половине XVIII столетия // Кавказские епархиальные ведомости. 1877. № 3; М-ин Г. (Малявкин) Казачьи верования и суеверия. V. Понятие о дьяволе и его роль в жизни // Терские ведомости. - 1891. № 50; Решетов. Старообрядческий скит в станице Калиновской // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 16. С. 134–140; Гриценко Н.П. Из истории старообрядчества на Тереке в XVIII – XIX вв. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Грозный, 1977. Т. XI. С. 69–81; Сопов А.В. Религиозность казачества: мифы, факты, проблемы // Проблемы изучения и развития казачьей культуры. Майкоп: б.и., 2000. С. 58–61; Голованова С.А. Региональные группы казачества Юга России: опыт системного анализа. Армавир: Издательский центр АГПИ, 2001. 156 с.; Письменная Т.Г. О некоторых причинах распространения старообрядчества среди линейного казачества в 30-е годы XIX в. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы шестой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. / Под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. Краснодар–Армавир, 2008. С. 62–63; Емельянов О.Б. Архивные источники о численности и конфессиональной принадлежности жителей Кавказского Линейного казачьего войска на 1 января 1847 года // Конфессиональные факторы в истории и культуре славянских народов и их соседей: Материалы международной научно-практической конференции / Научн. ред., сост. Э.Р. Вартянян, О.В. Матвеев. Краснодар: Кубанский гос. университет, 2012. С. 148–156; Клычников Ю.Ю. «Бабий бунт» 1835 г. в станице Кисловодской // Вопросы истории и культуры Ставрополя XIX-XX веков. Третьи Ребровские музейно-краеведческие чтения. Кисловодск 17-18 февраля 2011 года. Материалы, часть II. Кисловодск, 2014. С.14-19 и др.

¹¹ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времён. Гребенское войско. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 527 с.; Ржевуский, А. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске. Владикавказ, 1888. 287 с.; Потто В.А. Два века терского казачества / Репринтное издание. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. 383 с.; Караулов М.А. Терское казачество. Москва: Вече, 2007. 320 с.; Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Москва: Издательство Московского университета, 1974. 424 с.; Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 301 с.; Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. 278 с. и др.

- Прояснить ситуацию, сложившуюся на северокавказском пограничье Российского государства к середине XIX столетия.
- Объяснить феномен терско-гребенского казачества и его роль в истории северокавказского региона.
- Выявить факторы, повлиявшие на особенности становления хозяйственного уклада терско-гребенского казачества.
- Исследовать причины, повлиявшие на ситуацию демографической напряженности в станицах терско-гребенского казачества.
- Определить специфику культурного самосознания терско-гребенских казаков.
- Выявить и показать условия, содействовавшие формированию конфессиональной специфики терско-гребенской казачьей среды.

Хронологические рамки исследования охватывают первую половину XIX века, но при необходимости выявления и определения исторической сущности феномена терско-гребенского казачества пришлось обращаться к событиям XVI - XVIII вв.

Территориальные рамки диссертации подвижны и определялись вариантами расселения терско-гребенского казачества в ареале притеречного пространства Северо-Восточного Кавказа.

Методологическая основа. В основу представленной диссертационной работы положен принцип *историзма*, базирующийся на изучении фактов в их историческом контексте, взаимосвязи и взаимообусловленности. Также использовался принцип *объективности*, рассматривающий историческую реальность и её развитие в ракурсах универсальных закономерностей.

Принцип *историзма* способствовал тому, что автор строго придерживалась темпоральных параметров, в которых разворачивались исследуемые процессы, тесно увязанные с особенностями выбранной территории.

Принцип *объективности* позволил избежать вольной или невольной тенденциозности в подходах к исследуемой проблематике, могущей проявиться в подборе и определении исследуемых объектов, базовых источников, оценках и выводах, к которым пришла автор.

В процессе работы над темой исследования применялись *историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный* методы. Дана интерпретация понятия фронтир в применении к северокавказскому региону и использованы системный метод при характеристике геополитических задач, стоявших перед властями Российской империи в обозначенный период, находящейся в непрерывном взаимодействии с окружающим миром.

Источниковая база представленной работы основана как на документах, выявленных в центральных и региональных архивах Российской Федерации, так и на уже опубликованных источниках. Она состоит из

документов, которые относятся к различным видовым группам. Это законодательные акты, делопроизводственная документация, документы личного происхождения, мемуары, воспоминания, фольклор. Представленные документы частично введены в научный оборот и опубликованы в тематических сборниках либо находятся в фондах региональных и центральных архивах Российской Федерации и выявлены автором в процессе работы над заявленной темой.

Так, в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) были использованы материалы фондов 13454 – *Штаб войск Кавказской линии* и 14719 – *Главный штаб Кавказской армии*. Участие казаков в охране и обороне границ на Кавказе нашло отражение в переписке командования, различных отчетах и приказах.

В Российском государственном архиве Древних актов (РГАДА) были использованы материалы фонда 1261 – *Воронцовы, графы, помещики*, в котором сосредоточены большие массивы исторических документов разного видового происхождения. В использованных делах описи №3 хранятся документы личного происхождения (письма, записки, мемуары, воспоминания) за период с 1741-1885 гг., связанные с деятельностью графов Воронцовых, из которых автором данной диссертации были использованы документы, непосредственно касающиеся заявленной темы исследования.

В Российском историческом архиве (РГИА) использовались фонды 660 – *Закревский Арсений Андреевич, граф (1783-1865гг.)*, где, прежде всего, исследовалась переписка графа А.А. Закревского с генералом А.П. Ермоловым, и 1268 – *Кавказский комитет*, где исследовалась управленческая документация об управлении Кавказом в целом и его отдельными местностями (северо-восточная часть); документы (указы, циркуляры, распоряжения, рапорты, отчеты), касающиеся поземельных и вероисповедных вопросов, связанных с терско-гребенским казачеством.

Аналогичный материал был выявлен и в Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Здесь вызвали интерес документы, сосредоточенные в фондах 2 – *Управление наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска 1831-1859 гг.*, 3 – *Канцелярия наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска 1833-1860 гг.*, 13. – *Войсковое правление Терского казачьего войска 1845-1870 гг.* и 14. – *Войсковое хозяйственное правление Терского казачьего войска 1870-1888 гг.* Кроме информации, содержащей военные сведения, здесь сосредоточены и материалы, характеризующие хозяйственный уклад терских казаков, различные стороны их общественных отношений.

Аспекты мирной жизни казаков, особенности их повседневных отношений, конфессиональная специфика отражаются в свидетельствах фондов Государственного архива Ставропольского края (ГАСК). Были задействованы документы, собранные в фондах 79 - *Общее управление Кавказской области 1822-1847 гг.* и 135 - *Ставропольская духовная консистория 1843 - 1918 гг.*

При всей важности материалов, которые впервые были введены в научный оборот, отметим, что значительная часть необходимой информации уже систематизирована и доступна исследователям благодаря усилиям ученых имперского, советского и постсоветского периодов. Так, следует выделить крупнейший свод законодательных актов, которые объединены в «Полное собрание законов Российской империи». Среди них есть и информация, касающаяся жизни казаков на Северном Кавказе¹².

Важные сведения, относящиеся к теме диссертационного исследования, опубликованы в тематических сборниках документов, крупнейшим из которых в имперский период стали «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией»¹³, сосредоточивших большое разнообразие циркулярных постановлений, рапортов, отчетов, писем разного рода официальных лиц, чиновников военного и гражданского ведомств Российской империи, уполномоченных действовать на территории Северного и Южного Кавказа. Они позволяют получить представление как о ситуации в крае в целом, так и подробностях жизни в терских станицах. Такого рода научная практика сохранилась и в последующие периоды развития кавказоведения и вылилась в создание весьма информативных сборников, часть материалов которых относится к прошлому казачества¹⁴.

Активно привлекались мемуарные свидетельства непосредственных участников описываемых событий¹⁵. Они либо упоминали о казаках как о части «исторического фона», либо посвящали им свои размышления и делились впечатлениями, которые станичники у них вызвали. Весьма ценно, когда такая информация фиксировалась непосредственно представителем казачьей среды, являвшимся носителем ее мировоззренческих представлений¹⁶.

В этом отношении особой информативностью отличается казачий фольклор, в котором отразилась ментальность терского казачества, его духовно-нравственные приоритеты и жизненные принципы¹⁷.

¹² См. напр.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Второе собрание. Санкт-Петербург, 1831. Т. V. Отделение I. 294, 3 с.; ПСЗРИ. Второе собрание. Санкт-Петербург, 1833. Т. VII. 1044, 189, 155, 23, 3, 3 с. и др.

¹³ См. напр.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1885. Т.X. 936 с.

¹⁴ Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. Т.2. 900 с.; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958. 336 с. и др.

¹⁵ Записки А.П. Ермолова 1798-1826 / Сост., подготовка текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. Москва: Высшая школа, 1991. 463 с.; Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. 608 с.

¹⁶ К. Гребенцы (Из заметок и воспоминаний гребенца) // Терские ведомости. 1886. № 11. 6 февраля.

¹⁷ Гребенцы в песнях. Сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен гребенских казаков с кратким очерком Гребенского войска и примечаниями. / Составитель Ф.С. Панкратов. Владикавказ, 1895. 176 с.; Востриков П.А. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурузов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1907. Вып. 37. Отдел 2. С. 1–93; Песни Терека. Песни гребенских и сунженских казаков. / Публикация текстов, вступительная статья и примечания Ю.Г. Агаджанова. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1974. 238 с.; Терек вспыхнул: песни гребенских казаков. / Составитель Е.М. Белецкая; художник С.В. Наймушина. Грозный-Екатеринбург, 1991–2007. 260 с.

К числу источников следует отнести и литературные произведения, в которых упоминаются терско-гребенские казаки¹⁸. Их авторы непосредственно контактировали с ними и сумели подметить такие особенности, которые в прочих свидетельствах прошлого не актуализируются.

Научная новизна работы состоит в следующем:

во-1-х, подчеркивается, что Россия изначально стремилась играть роль медиатора и помощника притесняемым в северокавказском регионе и избегала провоцировать вражду;

во-2-х, доказывается, что основной фактор противоречий и противоборства между Россией и многими горскими народами коренился в имманентной природе разнонаправленных моделей социокультурного и хозяйственного существования сторон, возникавшего диалога, в который активно вовлекались терско-гребенские казаки;

в-3-х, подчеркивается природа фронтирного происхождения терского казачества, вобравшего в себя многообразную специфику географического и социокультурного пространства своего формирования;

в-4-х, указывается на комплексность исполняемой роли терского казачества в крае, где оно могло быть не только зачинателем межкультурного диалога с местными народами северокавказского региона, но также форпостом защиты русских рубежей и его передовым отрядом, транслировавшим государственные интересы в горскую среду;

в-5-х, выявляется, что вовлечение терского казачества в государственную систему Российской империи повлекло за собой значительное ухудшение условий его существования, сокращение возможностей для сохранения прежних вольностей и одновременный рост служебных и иных тягот, а также жесткую предписанность вменяемых обязанностей. Неустойчивость прежней жизни казаков компенсировалась свободой их маневра в выборе мест проживания, способов поддержания взаимодействия с окружающим миром, способами получения средств к существованию, которые при всей их непредопределенности не снижали их общего витального потенциала.

Положения, выносимые на защиту:

1. На Северный Кавказ Россия пришла в поисках естественных границ для своих южных рубежей, которые одновременно приобрели значение ключевого фактора для обладания черноморско-каспийским пространством.
2. С Кабарды и шамхальства Тарковского началось установление политических контактов с местными феодальными владельцами, которые к началу XIX века переросли устойчивое взаимодействие, хотя и не всегда конструктивное. В условиях перманентных разногласий между кавказскими владельческими фамилиями, которые постоянно перерастали в междоусобную вражду и вооруженное противостояние, Россия часто

¹⁸ См. напр.: Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. Казаки. Кавказская повесть. Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1978. 288 с. и др.

принимала на себя роль медиатора или помощника (покровителя притесняемой стороны), чем провоцировала недовольство их соперников.

3. Непримируемость горской среды к русским, которых воспринимали во владельческих кругах как угрозу или конкурента, агрессивная реакция на действия российских властей со стороны «демократических» сельских общин региона заставили Санкт-Петербург пересмотреть свои первоначальные подходы и вынудили уполномоченных центром начальников перейти к активным действиям по усмирению и покорению народов северокавказского пограничья при одновременном передвижении линии фронта в южном направлении.
4. Общая ситуация на северокавказском пограничье в первой половине XIX века была противоречивой и неустойчивой. Много лет устойчивому развитию края препятствовала Кавказская война, вылившаяся в противостояние части непримиримых к русским горцев, ставшая результатом непонимания намерений и целей сторон, а также реакцией на нововведения, приносимые в горы русскими. Ситуация приняла необратимый характер и проявила свои черты и тенденции только после пленения имама Шамиля и замирения северо-восточной части Кавказа к концу 50-х гг. XIX века.
5. Терское казачество, прежде всего, есть феномен фронта, элемент, который формировался стихийно и естественным образом на протяжении достаточно длительного периода и был следствием как внутренних общественно-государственных, так и внешних военно-политических процессов и событий, разворачивавшихся вокруг России. Казаки были «передовыми русскими бойцами», стремившимися на окраины государства за черту оседлого жилья, где общая опасность сплачивала их в особый род военного братства.
6. Специфика хозяйственного уклада терско-гребенского казачества отражала особенности тех политических событий, непосредственными участниками которых стали эти жители беспокойного фронта. На их систему жизнеобеспечения влияла перманентная военная опасность, заставлявшая затрачивать существенную часть производимых ресурсов на обеспечение защиты от нападений беспокойных соседей. Неминуемо оказывали воздействие на жизнь казаков внешние войны, интенсивность которых приводила к заметному ослаблению экономического потенциала защитников южного порубежья.
7. Казаки, являясь вернакулярным социокультурным явлением, постепенно замыкались и дистанцировались от лиц не казачьего сословия. Они утратили свою географическую мобильность, обрета на Северо-Восточном Кавказе свою малую родину. Это было обусловлено как религиозными противоречиями, так и желанием сохранить свой образ жизни и мировоззренческие парадигмы, опасаясь аккультурации со стороны носителей ментальности, характерной для внутренних районов проживания великорусского этноса, более привычного к дисциплине и подчинению

государственной власти. Платой за это стало ограничение демографической подпитки, получаемой казаками со стороны, что не могло не повлиять на их общей численности.

8. Терско-гребенское казачество, будучи самобытной этнической группой, пусть и связанной с материнской русской культурой, имело свои особые черты, нашедшие отражение в их самосознании. Оно формировалось под воздействием иноэтнического влияния, невзгод и опасностей, присущих фронтиру. Их ментальности было характерно совпадение группового и индивидуального сознания, не разделяя в этом контексте этническое сознание и самосознание.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования заключается в том, что был предпринят комплексный анализ как процессов становления и развития феномена терско-гребенского казачества, так и прослежены пути вовлечения названной категории казаков в систему государственной структуры Российского государства и превращения казачества в передовой отряд трансляции российских интересов в северокавказском регионе в первой половине XIX века.

Материалы данной диссертационной работы могут быть использованы при изучении и преподавании истории Российской империи первой половины XIX века, кавказской политики Российского государства на Северном Кавказе и освещения истории становления и развития терско-гребенского казачества на северокавказском фронтире.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена на заседании Департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет». Основные результаты диссертационного исследования были апробированы в выступлениях с докладами на ежегодных научно-практических конференциях с международным участием, проводимым на базе ФГБОУ ВО «ПГУ» в 2024 и 2025 гг.; на Четырнадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа» г. Армавир, 2024 г.

По теме диссертации опубликовано 6 статей, из них 3 из списка изданий, рекомендованных ВАК РФ. Общий объем публикаций – **3, 14 п. л.**

Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история. Область исследования: пп: 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; 3. Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов; 7. История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности; 8. Военная история России, развитие ее

Вооруженных сил на различных этапах развития; 10. Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений; 13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий.

Структура работы соответствует поставленной цели и сформулированным задачам. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы.

II. Основное содержание диссертации

Во **«Введении»** обосновывается актуальность темы исследования, дается характеристика объекту и предмету, определяются цель и задачи, обозначаются территориальные и хронологические рамки, методология исследования, анализируется научная литература, источниковая база, выявляется научная новизна, описывается практическая значимость и апробация работы.

Первая глава работы **«Кавказский фронт Российской империи и его жители»**, состоит из двух параграфов. В первом параграфе 1.1. *«Ситуация на северокавказском пограничье в первой половине XIX в.»* дается развернутая характеристика общей ситуации на северокавказском пограничье и отмечается, что она была противоречивой и неустойчивой. Долгое время политической и социальной неопределенности в крае содействовали геополитические претензии и соперничество трех сопредельных держав – России, Персии и Османской Порты – боровшихся между собой за доминирование на Кавказе, при растущем вмешательстве европейских игроков – Англии и Франции, стремившихся всячески вредить России.

Много лет не способствовала устойчивому развитию края Кавказская война, вылившаяся в долгое противостояние части непримиримых к русским горцев, ставшая результатом непонимания намерений и целей сторон, а также реакцией на нововведения, привносимые в горы русскими. Ситуация приняла необратимый характер и проявила свои черты и тенденции после пленения имама Шамиля и замирения северо-восточной части Кавказа к концу 50-х гг. XIX века.

В параграфе 1.2. *«Феномен казачества в истории региона»* утверждается, что казачье население Терека формировалось стихийно из разнородного народного субстрата разного этнического происхождения на протяжении длительного периода, представлявшего общества вольного молодечества, искавшего потаенных мест в прибрежных затоках устья р. Терек и на гребнях гор, протянувшихся вдоль течения этой реки.

Распространение границ Российского государства в южном направлении и обстоятельства существования казаков на фронтире способствовали их сближению. При этом вовлечение терского казачества в государственную систему Российской империи повлекло за собой

значительное ухудшение условий их существования, сокращение возможностей для сохранения прежних вольностей и одновременный рост служебных и иных тягот. Вовлечение терского казачества, всех его групп, в геополитическое пространство Российской государственности, значительно подрывало возможности их самостоятельной и независимой жизни, наделяло обязанностями и встраивало в жесткий механизм реализации государственных интересов и воли, которая мало считалась с имманентными чувствами и устремлениями казачества, которое все больше превращалось в один из элементов функционирующей государственной машины. Терские и гребенские казаки получили в составе Кавказского линейного войска государственные военно-служебные обязанности, которые лишь отчасти оснащались и сохраняли частные отголоски их прежнего вольного существования. С развитием Кавказской Линии усложнялось её управление, вместе с которым нарушалось единство управления Кавказским Линейным войском.

Вторая глава работы **«Экономические и демографические процессы в казачьей среде Северо-Восточного Кавказа»** посвящена проблемам и состоит из двух параграфов.

В параграфе 2.1. *«Хозяйственный уклад терско-гребенского казачества»* показывается, что воинская культура определяла основные черты казачества как живой исторической системы. Она влияла на специфику выработанной ими системы жизнеобеспечения. В условиях непрестанной угрозы неприятельского разорения своих жилищ и хозяйства жители пограничья должны были уделять внимание прежде всего укреплению занимаемых рубежей, участвовать в боевых операциях против «немирных» соседей. Хозяйственные заботы в такой ситуации осуществлялись по остаточному принципу.

Значительная часть работ перекладывалась на женщин, что препятствовало развитию занятий, требовавших мужского участия. Отсюда доминирование в системе жизнеобеспечения виноградарства и виноделия, выращивания огородных культур, скотоводства. Пашенное хозяйство хотя и получило развитие, но, как правило, ограничивалось обеспечением исключительно собственных нужд казачьих семейств. Свою роль играли природно-географические факторы. Значительная часть земель была плохо приспособлена для выращивания полезных растений, а отсутствие средств и свободных рабочих рук не позволяло исправить сложившееся положение. Со временем в казачьей среде даже выработалось пренебрежение к мирным занятиям, а достойная мужчины деятельность ассоциировалась исключительно с военной службой.

В параграфе 2.2. *«Демографическая ситуация в казачьих станицах»* отмечается, что к началу XIX в. численность старожильческого казачьего населения в Притеречье была невелика. Естественное воспроизводство не могло восполнять потери, понесённые в результате вооружённых столкновений с горцами и участия в различных походах российской армии.

Отсюда и укоренившаяся практика принимать в свои ряды как выходцев из числа славянских народов, так и местное, кавказское население. Они усваивали казачий образ жизни и социокультурные ценности и становились равноправными станичниками.

В дальнейшем за способы пополнения рядов терско-гребенских казаков берётся официальная власть. Значительным демографическим ресурсом сделались казённые поселяне, причисленные к казачьему сословию. На передовые рубежи переселялись казаки, живущие в «тыловых» землях империи. Так, довольно много среди новопоселенцев Северо-Восточного Кавказа было донцов, казаков Волгского полка, выходцев из числа малороссийского казачества и т.д. Поселялись в станицы, расположенные по Тереку, а затем и Сунже представители различных кавказских народов, в том числе и соперничавшие с ними этносы, в частности, чеченцы.

Третья глава работы **«Культурно-религиозные черты казачьего социума»** состоит из двух параграфов.

В параграфе 3.1. *«Специфика культурного самосознания казаков»* выявляется, что казачье самосознание формировалось под влиянием множества факторов, основным из которых был наполненный опасностями и трудностями фронт. Оказавшись в иноэтничном окружении, казаки должны были иметь культурные маркеры, позволявшие им четко формулировать понимание оппозиции «свой – чужой». Это давало возможность не подвергнуться аккультурации, чтобы сохранить базовые ценности своего мировоззрения. В качестве материнской культуры выступала русская культура, однако она существенно изменилась под воздействием многочисленных заимствований, которые были вызваны давними и регулярными контактами как со степными народами, так и с горцами Северного Кавказа. В рассматриваемый период казаки сделались общностью людей, которые на протяжении нескольких поколений были связаны общей судьбой. Потребность в увеличении численности казаков заставила официальные власти пополнять их ряды выходцами из других регионов, других социальных и этнических групп. Шло формирование Терского казачества, которое включило в свой состав как старожильческий компонент (прежде всего в лице гребенцов), так и тех, кто ранее на проживал в Притеречье либо вообще казаком не являлся. Это существенно повлияло на самосознание казачества, в котором сохранялись локальные различия и одновременно присутствовало осознание своей общности.

В параграфе 3.2. *«Конфессиональная ситуация в казачьей среде»* отмечается, что старожильческое казачье население Терека выработало своё, особенное религиозное мировоззрение. Будучи старообрядцами, казаки не являлись раскольниками в классическом понимании этого явления. При всём желании увлечь казаков в оппозицию государству, привить им эсхатологические представления проповедники этого течения успехов не добились.

На Тереке сложилась особая форма религиозности, пусть и не соответствующая господствующему церковному порядку, но и не враждебная ему. Казаки-староверы, как правило, не были инициаторами раздора, и чаще всего конфликты возникали как реакция на действия официального духовенства, пытавшегося подчинить их своей власти. В качестве примиряющей стороны выступало государство, усилиями чиновников смягчавшее противоречия и не дававшее Церкви вмешиваться в духовную жизнь казаков. Казаки осознавали себя защитниками Отечества и веры. Для них эти понятия были неразделимы и формировали отношение к воинскому долгу как высшей доблести и обязанности истинно верующего человека.

Надежда на естественное отмирание старообрядческих традиций в связи с нехваткой подготовленных кадров священнослужителей, не оправдалась. Казаки из своей среды выбирали уставщиков, и те продолжали вести службы по привычным правилам. Но отсутствие необходимых знаний приводило к тому, что такие уставщики могли вольно трактовать догматы, дополняя их собственными представлениями о «правильной» вере. Отсюда и наличие многочисленных обрядов в повседневной духовной жизни, которые были скорее языческие, чем христианские.

В заключении подводятся итоги и представляются результаты по основным положениям, выносимым на защиту. Автор отмечает, что глубинными причинами, порождавшими конфликтность и противостояние сторон на Северном Кавказе, были не столько политические амбиции, сколько разнонаправленные модели социокультурного мировидения и хозяйственного бытия. Сталкивались во многом разнохарактерные способы жизненного устройства и существования. Для России была неприемлемой кочевническо-скотоводческая традиция северокавказских сообществ, которую те распространяли на пространстве, самой природой, подготовленной к земледельчеству. Приход русских потребовал от местных этносов кардинального реформирования их традиционных устоев, что было встречено предельно негативно.

Для отечественной историографической традиции остается актуальной поливариантная оценка этнокультурных основ происхождения как самого феномена казачества как такового, так и терско-гребенского казачества, в частности. В то же время все соглашались в том, что казачество как таковое и терско-гребенское в том числе, сделали форпостом южных границ России, сформировав своеобразный пояс безопасности, защищавший пределы страны от агрессивных сообществ, промышлявших в пространстве фронтирного порубежья.

Хозяйственный уклад терско-гребенского казачества отражал специфику жизни в условиях фронтирной неопределённости и опасностей. Значительная часть сил и ресурсов затрачивались на охрану и оборону границы и собственную защиту от нападений «немирных» соседей. Первоначально сложившийся промысловый тип хозяйства постепенно

трансформировался, и мобильные группы казаков-первопоселенцев превращались в оседлых жителей Притеречья. Правительство, заинтересованное в военной службе казачества, частично компенсировало им их издержки, но основные тяготы по обеспечению себя необходимыми для существования вещами и продовольствием казаки должны были нести самостоятельно.

Самые ранние страницы истории гребенского казачества говорят о серьёзных проблемах, связанных с пополнением, убыли в его рядах. Высокие потери в результате непрерывных стычек на беспокойном пограничье, отсутствие у первопоселенцев нужного числа женщин, которых зачастую приходилось «умыкать» у соседей чтобы создать семью, не позволяли им рассчитывать на естественное поддержание того демографического минимума, позволявшего успешно конкурировать с горцами за возможность проживать на удобных землях предгорий Северо-Восточного Кавказа. Отсюда стремление включать в свой состав как выходцев их русской метрополии, так и представителей местных горских и кочевых народов, которые после аккультурации становились полноправными станичниками – носителями казачьего мировоззрения.

Являясь самобытной этнической группой, терско-гребенское казачество имело свою самобытную культуру и связанное с ней самосознание. На него повлияли особенности пограничной жизни, опасности, присущие фронтиру, и наличие иноэтничного окружения, отношения с которым складывались в русле парадигмы сотрудничество – соперничество. Помимо этнического, у казаков стало формироваться и сословное самосознание. Оно было тесно связано с воинской службой, с присущими этому виду деятельности идеалами доблести и верного служения Отечеству.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

Публикации, в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Алёшин, Ю.Д. Вероисповедные особенности казачьего христианства и их влияние на отношения с имперскими властями/ Ю. Д. Алёшин // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 97-107. (0, 52 п. л.).
2. Алёшин, Ю.Д. К вопросу о факторах, определявших характер ситуативного развития северокавказского порубежья Российской империи (конец XVIII - первая половина XIX века) / Ю. Д. Алёшин // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2026. – № 1. – С. 80-90. (0, 60 п. л.).

3. Алёшин, Ю.Д. Феномен казачества в истории Притеречья / Ю. Д. Алёшин // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – 2026. – № 1. – С. 42-49. (0, 5 п. л.).

Публикации в других научных изданиях:

4. Алёшин, Ю.Д. Особенности формирования хозяйственно-культурного типа терско-гребенского казачества /Ю. Д. Алёшин // Университетские чтения – 2024. Материалы Всероссийской конференции с международным участием (г. Пятигорск, 11-12 января 2024 г.). – Пятигорск: ПГУ, 2024. – Ч. IX. – С. 59-66. (0, 5 п. л.).
5. Алёшин, Ю.Д. Демографическая ситуация в казачьих станицах Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX века/ Ю. Д. Алёшин, Ю.Ю. Клычников // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Четырнадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции / Под ред. С.П. Лукаша, Е.А. Ничиника, Ю.П. Ветрова. – Армавир: РИА АГПУ, 2024. – С.41-47. (0,45 п. л.).
6. Алёшин, Ю.Д. Притеречье XIX века как место аккумуляции и потаённости для российских старообрядцев/ Ю. Д. Алёшин // Университетские чтения – 2025. Материалы Всероссийской конференции с международным участием (г. Пятигорск, 11-12 января 2025 г.). – Пятигорск: ПГУ, 2025. – Ч. XI. – С. 15-21. (0, 45 п. л.).